

Марк Шагал и Израиль

Иерусалим - 1954 - 12-18 июня - с. 10-11.

Мне довелось трижды видеть Марка Захаровича Шагала и дважды — очень коротко — разговаривать с ним.

Во время Каннского кинофестиваля 1972 года я шел по набережной Круазетт с французским режиссером русского происхождения Леонидом Могом, который поздоровался с говорившей по-русски компанией за одним из столиков и представил ей меня. Им был явно интересен "свой" человек из России, откуда они уехали полвека назад, и начались расспросы.

Изящно одетый человек с галстуком, вывязанным бантом, был особенно приветлив. В нем сочетались типичная внешность восточноевропейского еврея, чистая и выразительная русская речь и природный артистизм: как вас зовут? сколько вам лет? из какого вы города? а откуда ваши родители? Из Белоруссии? Из моих краев? Кто вы по профессии? И, понизив голос: как они вас выпустили?

После паузы он сказал: "Я уверен, что мы с вами еще встретимся". — "В Москве?" — спросил я. — "Это почти невероятно, нет, скорее всего, в каком-нибудь другом месте". И, повернувшись к своим спутникам: "Ну, мне надо бежать. Я прочитал сегодня в «Монде», что зарабатываю пять тысяч франков в минуту, значит, я потерял с вами триста тысяч франков". И ушел под общей смех.

"Кто это?" Могом удивился: "Вы не узнали? Неужели в СССР его не знают? Это Шагал".

В 1973 году, после полувекового перерыва, Шагал приехал в Москву на выставку своих рисунков, извлеченных по этому случаю из запасников Третьяковской галереи. Я пошел на открытие, увидел окруженного старыми и новыми знакомыми художника, который, закончив осмотр, победоносно-шутливо сказал: "Кажется, я неплохой художник? А?"

Спустя семь лет я услышал от Шагала эту шутку еще раз в зале израильского парламента, где находятся его работы.

В энциклопедиях, изданных в Париже, Марка Захаровича Шагала называют французским художником, в российских — русским, в израильских — еврейским. И во всех случаях это верно, потому что истоки творчества витебского парижанина в трех этих культурах. Но если во Франции и России он стоит в ряду самых знаменитых, то в ев-

рейской истории Шагал — бесспорно величайший художник, а так как она небогата крупными живописцами, то Шагал — просто самый замечательный еврейский художник всех времен. Глобальный смысл его творчества идет от синтеза всечеловеческого с национальным. Через все его творчество проходит еврейство — генетическое и глубоко осознанное.

"Я люблю землю", — говорил он тем, кто называл его фантастом. Какую землю или, точнее, какие земли он любил?

Витебск ("жизнь прошла не с тобой, мой город, но не было картины, в которую я не вдохнул бы твой дух, не было краски такой — не светящейся твоим светом"), Францию ("как художник цвета и света я был свободен") и Землю Обетованную, которую он называл именно так, как она называется в Библии — книге, которую он читал, во воспоминаниям дочери, каждый день.

"Нет, он не был религиозен", — вспоминает Вирджиния Макнейл, супруга английского посла в Париже, а впоследствии гражданская жена Шагала, с которой он был вместе семь лет, "но он всегда чувствовал, что он еврей, и он издевался над ассимилированными евреями. Когда мы были в Нью-Йорке, он любил бродить по еврейским кварталам..."

Естественно, что Шагал был связан с Израилем, как, впрочем, всякий еврей в мире. Здесь жили его близкие друзья, здесь он сотрудничал как художник и поэт в журнале на языке идиш "Ди голдене кейт" ("Золотая цепь"), здесь хранились многие его картины и находились работы, специально созданные для Израиля.

На церемонии вручения ему звания почетного гражданина Иерусалима Шагал сказал, что "государство Израиль — это чудо еврейской истории". Отблеск этого чуда лежал и на нем самом, превратив его из провинциального гения в великого художника XX века.

Впервые Шагал приехал в Палестину в 1931 году с женой Беллой и дочерью Идой. Они провели здесь два с половиной месяца, побывали в Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе, Цфате и сельскохозяйственных кибуцах. Шагала пригласил в качестве консультанта по созданию художественного музея один из его основателей и первый мэр Тель-Авива Меир Дизенгоф. Бывший народоволец, ставший впоследствии сионистом, получивший традиционное еврейское образование в России, высшее — в Париже и Лионе, Дизенгоф после смерти жены решил увековечить ее память, создав художественный музей и пожертвовав на него свой дом и имущество. У Шагала возникли разногласия с создателями музея: для них главной была еврейская тема (соответственно отбирались персонажи и пейзажи), для него — творчество художников-евреев независимо от тематики и стиля — Йозефа Израэльса, Модильяни, Макса Либермана, Писсарро, Левитана, Паскина.

Споры не помешали делу, и Дизенгоф устроил Шагалу королевский прием. Художник уже был широко известен, и его имя ставили рядом с именами Пикассо и Матисса. На пресс-конференции он произнес на идиш прочувствованную речь, в которой сказал, что хотел бы сделать что-то как художник ради будущего этой страны. Но это осталось лишь пожеланием, ибо тогда Шагал приезжал в Палестину не как художник — "я приехал туда как еврей".

Он сказал это в интервью для выходившего в Париже под редакцией В.Жаботинского журнала "Рассвет". "Влекла ли меня Палестина именно как художника? Видите ли, я поехал туда как еврей. Я хотел воочию посмотреть на все это — как они строят страну. У меня это всегда так: раньше идет человек, а за ним художник. И потом вся

Шагал с семьей в своей мастерской в Париже. 1923-1924.

эта экзотика Востока, за которой обыкновенно гоняются, вся эта этнография, которую художники спешат нанести на полотно, кажется мне несущественной. Разве дело в какой-нибудь там пальме или горе (...) Конечно, Делакруа и Матисс, не в пример Гогену, сумели что-то увидеть в Северной Африке — но они не евреи, у них нет нашего прошлого. Нет, я смотрел на все это глазами еврея, и больше ничего.

Да, в Тель-Авиве очень радостно, блестит солнце, молодежь улыбается тебе в глаза... С тех пор, как евреи поселились в этой солнечной стране, у них появилось новое — здоровое — начало, чего нет в диаспоре — это какое-то особое спокойствие, уверенность в себе; еврей там твердо ходит и работает.

Эта «кучка» в 170 тысяч человек, несмотря на экономическую и политическую атмосферу, продолжает начатое; и еврей этот гораздо меньше реагирует на всякую встряску, чем евреи вне Палестины. И у всех этот подъем: и у купцов, и у мещан в городе, и в кибуцах, где им, конечно, гораздо труднее живется. Но евреев там еще мало (...) Я чувствую себя очень хорошо в эмек (долина Иордана. — С.Ч.), в этих кибуцах. Хотелось даже пожить среди них.

Общее впечатление? В Палестине меня поразило это постоянное вездесущее сопоставление двух элементов: с одной стороны — порыв в будущее, с другой — пафос давно окаменевшего, отжившего прошлого; и то, и другое одинаково сильно и волнующе".

Иерусалим

Продолжение следует.

207

Шагал марк Захарович

12-18.06.54.